

Павел Иванович Мельников-Печерский

Медвежий угол

Павел Иванович Мельников-Печерский

Медвежий Угол

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377515

Княжна Тараканова и принцесса Владимирская : повести, рассказы, письма, очерк / Павел Мельников (Андрей Печерский).: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-52030-5

Аннотация

«В Зимогорской губернии есть уездный город Чубаров – глушь страшная. Тому городу другого имени нет, как Медвежий Угол. Что за дорога туда! Ровная, гладкая – ни горки, ни косогора, ни изволочка, – скатерть скатертью. Места сыроваты, но грунт хрящевик: целое лето ливмя лей, грязи не будет...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Павел Иванович Мельников-Печерский Медвежий Угол

В Зимогорской губернии есть уездный город Чубаров – глушь страшная.

Тому городу другого имени нет, как Медвежий Угол.

Что за дорога туда! Ровная, гладкая – ни горки, ни косогора, ни изволочка, – скатерть скатертью. Места сыроваты, но грунт хрящевик: целое лето ливня лей, грязи не будет.

Не перероют чубаровску дорогу водороины, не наплывет на нее с боков текучей грязи и всякой мерзости, и в рабочую пору рассыльный не выгонит на нее мужика, с лопатой на плече да с краюхой хлеба на пестере, верст за двадцать от дому – чинить путь-дорогу ради благополучного проезда его превосходительства господина губернатора.

Благодарят Создателя мужики чубаровские, не больно обидна по ихним местам повинность дорожная. Зато скорбят, плачутся и богу жалуются те, кому судьба даровала жребий заправлять натуральными повинностями. С какой завистью, с какой затаенной злобой смотрит исправник чубаровский на уезды соседние! Там и глина размывистая, и горы с изволоками, и топи, и гати – и заготовка фашинника!.. Не столь поп Великому посту да богатому покойнику рад, сколь-

ко рады в тех уездах исправники октябрю месяцу, когда расписание дорожных участков составляется. А в Чубаровке, в этом «чертовом болоте», не то что от расписания, от самого даже развода участков никакой поживы нет. «Плохой уезд, алтынный уезд!...» – говорят про него и в губернском правлении, и в губернаторской канцелярии.

Пытался исправник чубаровский, Иван Алексеич Чирков, избыть беду неизбывную, пытался исправить беду непоправимую. Вздумал дело сотворить – и самому бы тепленько было, и кого после него дворянство в исправники выберет, помянул бы добром предместника, панихиду б отпел за упокой души его. Не удалось...

Получает от губернатора предписание. Требуется он «для государственных соображений, подробного и тщательного описания дорог почтовых, торговых, проселочных, как искусственных, так и грунтовых, с показанием удобств и неудобств оных, как в видах административной коммуникации, так и в отношении к вящему распространению местной торговли и промышленности, представив притом свои соображения о проложении новых, более удобных путей сообщения, в видах общей государственной пользы».

Иностранным языкам Иван Алексеич не обучался, потому «административной коммуникации» не разумел, но на «споспешествовании» придумал штуку разыграть.

Как дважды два доказал он губернскому начальнику, что народ обеднял и промыслы упали, и в торговле застой ока-

зался, самое даже отечество бедствует единственно по той причине, что чубаровская почтовая дорога проложена не там, где следует быть. Для «взящего преуспeyания и споспешествования к развитию» Иван Алексеич придумал новую дорогу там проложить, где сам леший подумавши ходит. Зато сколько мостов, сколько гатей!.. Все эти топи, мочажины, болота, теперь лежащие впусе, не принося никому пользы, уже представлялись ему богатой оброчной статьей в виде гатей, ежегодно перестилаемых, мостов, каждый год перекрашиваемых. Во сне и наяву мерещится ему, как из вонючих, никуда не годных болот прыгают в карман золотенькие и сыплются пачки бумажек радужных. Прекрасным, благодатным месяцем стал для него холодный, дождливый октябрь!

Жид мессию иль концессию на железную дорогу так ждет, как ожидал Иван Алексеич разрешения на свое представление. И вдруг: «будет в виду ваш проект при общем соображении об устройстве грунтовых дорог в государстве».

Ждет Иван Алексеич общего соображения, ждет, ждет, и вдруг умирает, запарившись в бане: русский человек, по-русски и помер. Был оплакан семьей, секретарем и становыми. Почесала в затылке губернаторская канцелярия, сморщилось губернское правление; его превосходительство при всех изволил сказать: «Жаль – исправник был расторопный».

И приказал в губернских ведомостях некролог его напечатать.

Прошло немало времени и после блаженной кончины

Ивана Алексеича, разрешения на представление не было. До сих пор благодарят Создателя мужики чубаровские, что не обидна им повинность дорожная, до сих пор скорбят, плачутся, богу жалуются те, кто ведает в Чубаровском уезде натуральными повинностями.

Хороша дорога в Чубаров, – скатерть скатертью.

Под самым городом вдруг стало меня немилосердно поталкивать. Чем дальше, тем хуже. Заметало тарантас во все стороны, того и гляди – набок. Во весь опор скакавшие лошади шагом пошли.

– Что за дорога? – вскрикнул я.

– Городская, – отвечал ямщик.

Такие плоды преуспевания городского хозяйства обыкновенны. С терпением Иова ждал я минуты, когда подъеду к длинному, версты на полторы через болото построенному мосту. Другой конец его упирался в главную и единственную городскую улицу. Издали белелась и светлелась широкая гладь мостового полотна. «Ну, думаю, отдохнут мои косточки».

Не тут-то было: ямщик своротил направо и потащился тонким болотом; колеса вязли по ступицу, добрые кони едва дух переводили.

– Куда ты, куда ты? – крикнул я ямщику. – Ступай по мосту.

– По мосту? Заказан. Вон и шлахбан спущен.

В самом деле, возле развалившейся будки был спущен

ветхий шлагбаум. Кроме ворон, сидевших на перилах, да квакавших в болоте лягушек, ничего живого вокруг не было, но никто не дерзал, подняв шлагбаум, проехать заповедным мостом. Столь свято исполняются в Зимогорской губернии начальственные распоряжения. Губерния благонадежная...

– Отчего ж по мосту нет езды?

– Заказано. Казенный стал, берегут, – ответил ямщик.

– Зачем же его строили?

– А губернатор наедет, либо из набольших кто.

– Давно ль такие порядки?

– Не так чтоб давно, – отвечал ямщик, помахивая кнутом над лошадьми... – Эх, вы, голубчики, ну, ну, ну-у!.. С самых с тех пор, как мосты да дороги на земство поворотили и начали ими алхитектуры заправлять... Эх, вы, ну, ну!.. А прежде дорога и здесь была знатная, и по мосту ездили все невозбранно... ну, ну, соколики!

– Отчего ж запретили по мосту ездить?

– Кто их знает?.. Такие порядки!.. Эх, ну, ну, вы!.. Кормиться тоже и алхитектурам надо, без того нельзя!.. Эх вы, матушки, вывози, вывози, поштенные!.. Есть-пить всякому надо... Только нашему брату совсем беда!.. Глядь-ка, какая маята коням-то!.. Ну, тащи, тащи, соколики!.. А прежде алхитектуров да анжинеров слыхом не слыхать!.. Эх, ну, ну, вы!

Мучимые комарами, что толклись над болотом, с полчася промаялись мы. Проезжая мимо моста с тоненькими, ста-

ренькими стойками, понял я расчет строителей. Сделавшись с подлежащей властью, то ль еще творят они по глухим местам, такие ль еще беды строят народу божьему! А все больше поляки да немцы.

В Медвежьем Углу гостиниц нет. Привезли меня к Абрамовне, что содержит единственный в городе постоялый двор. По счастью, нашлась порожняя горенка; там кой-как я расположился. Об удобствах речи не было, и за то слава богу, что комнатка нашлась.

Не успел оглядеться, как услышал сильнейший храп. Кто-то рядом отдыхал в час полуденный. Богатырские звуки неслись из соседней горенки, куда вела растворчатая, сильно покоробленная и не очень плотно затворявшаяся дверь. Она была заперта черным, репчатым замком¹, на двух кольцах. Вошла здоровенная девка в засаленном темно-синем, китайском сарафане, пестром ситцевом переднике и сильно поношенном шелковом платке на голове.

– Самоварчик вашей милости не поставить ли?

– Какой теперь самовар!.. Кто это у вас так похрапывает?

– А Гаврила Матвеич, – отирая передником потное лицо, отвечала работница Абрамовны.

– Какой Гаврила Матвеич?

– А Уткин Гаврила Матвеич, подрядчик, – отвечала работница. – Острог строит, наезжает за работой приглядеть.

¹ Черный, то есть железный висячий замок. Репчатый – наподобие сплюснутого шара, репой.

Завсегда у Федосьи Абрамовны становится.

– Купец? – спросил я.

– Как вашей милости сказать? Не больно разумею я ответить-то... Купец, надо быть, – молвила работница. – Пишется деревни Белавки удельным крестьянином, вот недалече отсель деревня Белавка есть. Там и дом у него, и крупчатка о четырех поставах, фабрику недавно полотняную поставил в Белавке-то. Сам-от больше в губернии²

² В губернском городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.